

— Помогу тебе разобраться, — откровенно сказал Цинь Гэ. — Гао Тяньюэ упомянул, что с твоим «морем сознания» что-то не так, и ты сам об этом говорил. Я ментальный регулятор, могу помочь.

Цинь Гэ ожидал, что Се Цзыцзин сразу согласится, но тот не спешил с ответом. Неподвижно сидя в своей позе, он, казалось, тщательно обдумывал предложение. Сердце Цинь Гэ сжалось: Се Цзыцзин явно знал, что происходит в его «море сознания», и не хотел, чтобы кто-то это увидел.

Что же привело его к такому состоянию, что даже Западное управление, которое всегда его ценило, отстранило его от должности? Помимо тревоги, Цинь Гэ не мог не почувствовать сильного любопытства.

— Ты уверен? — поднял голову Се Цзыцзин. — В моём «море сознания» много всякого хлама.

— ...Я знаю, — ответил Цинь Гэ.

— Ты знаешь? — удивился Се Цзыцзин.

Цинь Гэ лишь улыбнулся, давая понять, что объяснения не нужны.

Если у него уже появились любовные иллюзии, то чего же можно ожидать от его «моря сознания»? — подумал Цинь Гэ. Сам он никогда не видел, как выглядит «море сознания» у Стража с такими фантазиями. Честно говоря, в этот момент его любопытство перевешивало беспокойство за самого Се Цзыцзина.

Быстро представив, что он может увидеть, Цинь Гэ решил, что, вероятно, сможет это выдержать.

— Ты точно не понравится моё «море сознания», — снова заговорил Се Цзыцзин.

Он сопротивлялся.

Цинь Гэ не понимал, почему. Стеснение? Невозможно. Се Цзыцзин уже чуть ли не каждую ночь рассказывал ему о своих романтических фантазиях, так что человек с такой толстой кожей вряд ли мог стесняться «желтизны» в своём «море сознания».

Цинь Гэ решил попробовать ещё раз, искренне и честно:

— Не волнуйся, как бы «желто» ни было твоё «море сознания», я справлюсь.

Се Цзыцзин на мгновение замер, а затем рассмеялся.

— Я верю, что ты сам понимаешь своё «море сознания», — добавил Цинь Гэ.

Чем серьёзнее он говорил, тем громче смеялся Се Цзыцзин.

Цинь Гэ не выдержал:

— Тише! Не шуми, а то побеспокоишь соседей.

Се Цзыцзин перестал смеяться и быстро провёл рукой по лицу Цинь Гэ. Тот не успел уклониться и раздражённо предупредил:

— Я уже говорил, если будешь лезть, не обижайся.

Се Цзыцзин уже встал. Он достал сигарету из кармана куртки, висевшей рядом, и взял пепельницу со стола.

— Я выкурю одну сигарету, а потом дам ответ.

Пепельница была подарком от Тан Цо и Бай Сяюань на его вступление в должность — круглая ёмкость с головой панды. Се Цзыцзину она очень нравилась.

С пепельницей в руках он вышел на балкон, встал в защищённом от ветра месте и закурил.

Цинь Гэ, наблюдая за ним через стеклянную дверь, был удивлён. Соппротивление и колебания Се Цзыцзина выходили за рамки его ожиданий. Он сел на диван, его взгляд упал на журнал, который держал Се Цзыцзин, и на компьютер, где продолжал идти фильм про зомби.

Краем глаза он заметил рюкзак Се Цзыцзина, стоявший в углу, где он никому не мешал.

Цинь Гэ уже говорил ему, что рюкзак можно убрать в спальню, оставив только необходимые вещи. Но Се Цзыцзин этого не сделал. Теперь Цинь Гэ вспомнил, что каждый раз, когда они выходили на работу, Се Цзыцзин складывал в рюкзак свой компьютер, книги и сложенную одежду.

Как и когда он жил у Тан Цо, он, казалось, всегда был готов уйти.

Даже если он говорил, что любит Цинь Гэ и хочет быть ближе к нему, в его доме он всё равно вёл себя осторожно, как гость, а не как человек, живущий с ним.

Это ранило Цинь Гэ.

Не смягчайся, — сказал он себе. — Не смягчайся. Не жалеяй его, из десяти его слов только два можно считать правдой. Не верь ему, ни в коем случае.

Но он всё же встал и открыл дверь на балкон.

Се Цзыцзин инстинктивно повернулся, вытянув руку с сигаретой за перила балкона, и пепел разлетелся на ветру.

— ...Тебе не холодно? — спросил Цинь Гэ.

— Нет, — улыбнулся Се Цзыцзин. — Соскучился за две минуты без меня? Тогда сегодня вечером я лягу с тобой спать.

— Ветер сильный, — добавил Цинь Гэ.

Се Цзыцзин опустил брови, лёгким движением пальца стряхнул ещё немного пепла, который растворился в холодном ночном воздухе. Его взгляд следил за искрами, похожими на звёздную пыль.

Фонари на дорожках в районе всё ещё горели, несколько кустов форзиции и магнолии под их светом готовились к цветению. Ветви с новыми листьями в ночи казались тёмными, но уже не такими сухими и безжизненными. Город, который казался мёртвым в разгар зимы, теперь оживал с приходом весны.

— Я скоро найду, — сказал Се Цзыцзин.

Его голос звучал глухо, без прежней легкомысленности и смеха.

Цинь Гэ закрыл дверь, вернулся на кухню и допил оставшуюся воду. Он медленно глотал, пока его учащённое сердцебиение не успокоилось.

Он не чувствовал запаха феромонов Се Цзыцзина, но когда тот заговорил, сердце Цинь Гэ на мгновение дрогнуло, как лист, упавший на поверхность воды, создавая медленные волны.

Когда он обернулся, Се Цзыцзин уже вошёл. Он вздрогнул, сел на диван, скрестив ноги, и, облокотившись на спинку, раскинул руки:

— Ну что, дорогой. Входи в меня, познавай меня, люби меня.

Цинь Гэ: «...»

— Я позволяю тебе исследовать меня.

Волны исчезли. Сердце Цинь Гэ стало застывшей, мёртвой водой.

— Начинаем, — сказал Цинь Гэ, вымыв и вытерев руки, подойдя к Се Цзыцзину сзади, деловито.

Се Цзыцзин поднял на него взгляд:

— Что бы ты ни увидел, не бойся.

Разум Цинь Гэ снова кричал ему: «Не смягчайся». Он слышал это, но не слушал. Он не знал, притворялся ли Се Цзыцзин, но сейчас этот Страж действительно вызывал жалость.

Бедняга, который думал, что уже влюбился.

Цинь Гэ наклонился и тихо сказал:

— Я не боюсь.

До того как Луис Ян официально предложил использовать термин «море сознания» для обозначения ментального мира Стражей и Проводников, существовало множество других терминов, но ни один из них не был точным.

Только с появлением «Исследования моря сознания» этот термин наконец был принят всеми.

Ментальный мир человека безграничен. Он глубок и обширен, и в мире не существует двух одинаковых пространств мышления — «море сознания» как раз и обозначает эту бесконечность.

Именно поэтому каждый Страж и Проводник, изучая «море сознания», сталкиваются с непроверяемым фактом: у него нет границ.

Опытные ментальные регуляторы могут погружаться в подсознание, которое сам человек даже не осознаёт, и раскрывать глубинные секреты. Но поскольку «море сознания» не имеет границ, каждое глубокое погружение несёт в себе непредсказуемые риски.

[«Появление границ в «море сознания» указывает на то, что ментальное состояние Стража или Проводника повреждено, и «море сознания» начинает защищаться, ограничивая исследование

других».]

Эту фразу Цинь Гэ запомнил очень хорошо. Поэтому, когда он вошёл в «море сознания» Се Цзыцзина, он сразу же остолбенел.

Он оказался в комнате.

Это квадратное пространство мгновенно напомнило ему операционную в «море сознания» Цай Минъюэ, но он быстро успокоился: комната была чистой и аккуратной, без видимых аномалий.

Через окно проникал солнечный свет, занавески слегка колыхались, хотя ветра не было. Под окном стояла односпальная кровать, на подушке лежала приставка PSV, экран которой мигал. Одеяло было аккуратно сложено, как ровный кубик тофу.

Рядом с кроватью стоял большой письменный стол, на котором лежали компьютер и книги, рядом — книжная полка, забитая книгами так, что полка прогибалась под их весом.

Комната была не очень большой, мебель занимала половину пространства, горный велосипед стоял у стены, а свет с потолка ярко освещал его руль и цепь.

На стене висели несколько постеров, и Цинь Гэ почувствовал, что с людьми на них что-то не так. Подойдя ближе, он убедился: это был он сам.

Цинь Гэ с баскетбольным мячом, Цинь Гэ, выходящий из воды с голым торсом, и даже Цинь Гэ в полицейской форме.

Цинь Гэ: «...»

Он не знал, о чём думал Се Цзыцзин, но сам он не играл в баскетбол и не плавал.

Интуиция подсказывала ему, что дальнейшее изучение будет неприятным, поэтому Цинь Гэ не стал вчитываться в мелкий текст на постерах и направился к столу.

На столе лежали стопки книг и тетрадей, среди которых выделялась книга «Страж и его шесть Проводников», на обложке которой снова был он.

<http://bllate.org/book/15560/1384509>